

УДК 947(470)«1820-1840»

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.063

Внутренняя политика императора Николая I и создание национально-государственной идеологии в 1820–1840-е гг.

И. А. Некрасов

кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет пищевых производств.
Россия, г. Москва. E-mail: igoristorik@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания национально-государственной идеологии в Российской империи в период правления Николая I. Именно в этот период русской истории российские власти со всей серьезностью осознали необходимость проведения внутренней политики на основе устойчивой и стабильной идеологии русского государства. Предшественники Николая I старались либо перечеркнуть весь прошлый внутривластный опыт, как Павел I, либо находились под влиянием республиканских идей, как Александр I. В 1820-е гг. Российская империя подошла в своем развитии к новым рубежам, которые ставили перед русским царем и его окружением задачу разрешения ряда внутренних вопросов с помощью создания собственной концепции национально-государственной идеологии. При Николае I появляются такие важные атрибуты государства, как гимн «Боже, Царя храни», развивается неорусский стиль в архитектуре, царь и его приближенные впервые осознают многонациональный характер российского общества. Николай I делает попытку соединения имперских идей самодержавия XVIII столетия с новыми реалиями середины XIX в. Вместе с тем в период правления Николая I происходит усиление административных очагов власти и укрепление бюрократических структур внутри государства, что, в свою очередь, отдаляло монарха от широких слоев российского общества. Российская империя в этот период смогла преодолеть такое тяжелое испытание, как война с кавказскими горцами, основной период которой приходится на время правления Николая I. Сложность создания национально-государственной идеологии объяснялась еще и тем, что Николай I, в отличие от своих предшественников, не рассматривал русское дворянство как главную опору трона, особенно после событий 1825 г.

Ключевые слова: Николай I, дворянство, Бенкендорф, многонациональное государство, русский национальный гимн, монархия, указ, самодержавие.

До революции работы о периоде царствования Николая I отличались сухой и сдержанной оценкой периода его правления и ряда его начинаний во внутренней политике. В. О. Ключевский определял царствование Николая I как «консервативный и бюрократический образ действия», а постоянной целью монарха было стремление «поддержать существующее помощью чиновников» [8, с. 433]. С. Ф. Платонов оценивал период правления Николая I менее категорично, но и он считал, что на завершающем этапе правления Николая I «система бюрократизма, отчуждавшая власть от общества, привела к господству именно канцелярского формализма» [12, с. 684]. Русский историк отказывал монарху и его правительству в ведении диалога с российским обществом по важнейшим вопросам внутренней жизни. В советский период оценка личности Николая I и его внутривластного курса была в целом отрицательной. В 1920-е гг. известный историк А. Е. Пресняков в работе «Николай I: Апогей самодержавия» оценивает деятельность русского царя как консерватора. Вместе с тем впервые говорит о том, что Николай I потерял доверие к значительной части русского дворянства [13]. Известный публицист Г. Чулков в своей книге «Императоры» оценивает длительное правление Николая I как время консерватизма и реакции, отказывая этому монарху в попытках решить ряд серьезных вопросов внутренней политики [22].

В работах М. В. Нечкиной и ряда других советских историков Николай I предстает как жестокий монарх, подавивший восстание декабристов, которые, по ленинской терминологии, начали дворянский период революционной борьбы с самодержавием. Практически во всех исследованиях и публикациях царь выступал как душитель политических свобод, сторонник жесткой цензуры и тому подобное. И лишь в конце XX – начале XXI столетия благодаря новым публикациям о декабристах (О. Киянская «Декабристы» [7] и др.), Бенкендорфе (Д. Олейников «Бенкендорф» [10] и др.) и книг о самом монархе (Л. Выскочков «Николай I», «Император Николай Первый» (под ред. М. Д. Филина) [2] и др.) отношение к этому периоду истории стало более объективным и взвешенным.

Вторая четверть XIX в., годы царствования Николая I, традиционно в исторической науке определяются как консервативная эпоха, усиление реакции самодержавия после подавления выступления декабристов 14 декабря 1825 г. Однако, по мнению автора, было бы неправильно определять более чем 29-летний период правления Николая I только как время реакции и распространения консервативно-охранительных тенденций во внутренней политике. Император Николай I во многом был первым русским правителем, который всерьез и основательно начал решать внутривластные вопросы и приступил к выработке национально-государственной идеологии Российской империи. Его предшественники на престоле Павел I и Александр I не стремились создать национально-государственную идеологию для такого сложного государства, как Российская империя, по ряду причин.

Павел I сравнительно недолго пробыл на престоле и старался придать своей внутренней политике черты, с одной стороны, требовательности, радикального отказа от того, что было создано при его предшественнице, а с другой – открытости и прямого царского правления (знаменитый деревянный ящик для писем от своих подданных).

Александр I в первые годы правления пытался вернуться «к временам своей бабки», но поражение под Аустерлицем и последующие проблемы заставили его серьезно поменять внутривластный курс. Реформаторские проекты М. М. Сперанского в 1808–1810 гг. натолкнулись на растерянность и неготовность Александра I всерьез заниматься реформами государственного управления. Крупный историк и политический мыслитель Н. М. Карамзин, выразивший свои взгляды на развитие России в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» (1811), в категоричной форме отрицал существование единых гражданских прав в российском обществе, считая, что не следует в русском Уложении писать о гражданских правах, которых, по его мнению, исторически в России не было: «У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. – все они имеют свои особенные права, – общего нет, кроме названия русских» [6, с. 92]. Сословная обособленность, по Карамзину, отличает Россию от западного мира и лишней раз доказывает важность самодержавной формы правления, когда «государь есть живой закон», который хороших людей милует, злых наказывает [6, с. 102]. После окончания наполеоновских войн относительно глубокие изменения произошли только в западных землях Российского государства – Царстве Польском. В 1815 г. при посещении польского сейма Александр I даровал полякам конституцию, просуществовавшую до восстания 1831 г. После окончания наполеоновских войн, общаясь с английскими политиками, Александр I заявил, что понимает необходимость существования оппозиции внутри страны. Но это не привело к появлению официальной оппозиции в российском государстве [17]. Последние десять лет правления Александра I не привели к каким-либо глубоким изменениям во внутренней политике. В этот период растет внутренняя напряженность в российском обществе, особенно среди офицерского корпуса. Появляются такие организации, как «Союз спасения» (1816) и «Союз благоденствия» (1818), объединившиеся позже в Северное и Южное общества декабристов. Очевидно, что Александр I закрывал глаза на внутривластные вопросы и во многом перекладывал их решение на своих преемников. И все же отдельные структуры власти в 1810–1820-е гг. разрабатывали проекты преобразования Российской империи. Группа крупных государственных чиновников во главе с Н. Н. Новосильцевым разработала «Уставную грамоту Российской империи», которая должна была лечь в основу внутренних преобразований. Отдавая приоритет царской власти в решении главных вопросов («Государь занимает первенствующее положение как при руководстве внешней политикой, так и внутренней. Монарх объявляется и главой церкви»), создатели «Уставной грамоты» допускали развитие федералистских начал, деление на большие области, наместничества [9, с. 99]. Предлагалось создать орган власти, государственный сейм (государственная дума), состоящий из отдельных сеймов наместнических областей, которые созываются, распускаются по царским указам [9, с. 130]. Создаваемый Н. Н. Новосильцевым Российский парламент оказывался абсолютно безвластным перед императорской властью. Однако в документе не затрагивался вопрос об отмене крепостного права, не изменялся сословный строй российского государства и не подвергался коренной перестройке институт монархии.

Николай I, вошедший на престол при необычных и во многом трагических обстоятельствах (в результате подавления выступления декабристов), сосредоточился на решении внутривластных вопросов как на одной из главных задач своего царствования. Рассматривая внутреннюю политику Николая I как стремление создать национально-государственную идеологию, необходимо дать краткую характеристику взглядам русского царя.

Николай I считал монархическую форму правления в виде самодержавия единственно правильной для такого государства, как Российская империя. Посещение Николаем I в 1816 г. Англии и знакомство с системой английского парламента не породило у него желания заимствовать традиции европейского парламентаризма [17]. Уважая республику как форму правления, царь не допускал мысли о появлении в подчиненном ему государстве парламента с депутатскими фракциями, с которыми верховная власть в его лице должна периодически договариваться: «Я понимаю республику – это прямое и честное правление. <...> Я понимаю абсолютную монархию, потому что сам ее возглавляю. Но представительного образа правления я постигнуть не могу. Это – правительство лжи, обмана, подкупа. Я скорее отступил бы до самого Китая, чем согласился бы на подобный образ правления. <...> Подкупать голоса, подкупать совесть, завлекать одних, чтобы обманывать других, – я с презрением отверг все эти средства, столь же позорящие тех, кто подчиняется, сколь и того, кто повелевает» [5, с. 235–236]. Эти слова Николая I недвусмысленно характеризуют его отношение к парламентаризму и буржуазной демократии. Для русского царя верность православию, вопросы чести и моральные постулаты были гораздо важнее какой-либо материальной выгоды и стремления получать прибыль. Фраза царя, сказанная им английскому посланнику лорду Сеймуру в начале Крымской войны о том, что он готов носить траур по российскому флоту скорее, чем по российской чести [5, с. 299], многое объясняет во взглядах царя на внутривнутриполитические вопросы. Стоит ли говорить о том, что капиталистические отношения с их жадной наживой и погоней за прибылью не могли так свободно и широко распространяться в Российской империи, как в странах Запада в первой половине XIX столетия?

Являясь сторонником самодержавной власти в традиционном восприятии, Николай I осознавал, что после подавления восстания декабристов и раскола в общественном мнении России ему было необходимо показать, что власть в его лице является объединяющей силой такого разнородного государства, как Российская империя.

Николай I был русским самодержцем, который всерьез осознал необходимость такого важного атрибута государства, как гимн. Если при его предшественниках роль государственного гимна выполняли «Гром победы, раздавайся!» (1790–1810) и «Боже, храни короля!» (1816–1833), то в 1833 г. был создан государственный гимн Российской империи «Боже, Царя храни!» на музыку А. Львова и слова В. А. Жуковского. Гимн должен обязательно исполняться на военных парадах, на утренних и вечерних молитвах русской армии, при принятии присяги. Краткость гимна, состоящего из шести строк, делала его запоминающимся в сознании миллионов подданных Российской империи [5, с. 56].

Николай I первым из российских монархов осознает многонациональный состав своих подданных, то, что ему приходится управлять многонациональным государством. В беседе с французом А. де Кюстином Николай I отметил особенности России, заключающиеся в большом разнообразии народностей, религий и традиций, которые хранятся в глубине российского общества [2, с. 339]. Подтверждением тому служат события Кавказской войны, основной период которой выпадает на годы правления Николая I. Французский путешественник в своей книге отмечает, что русский царь в беседе с ним подчеркнул многонациональный состав русского офицерского корпуса, являвшегося одной из опор власти в стране [1]. Политика Николая I способствовала объединению людей разных национальностей и вероисповеданий. Это косвенно воздействовало на формирование национально-государственной идеологии Российской империи. Русские, прибалтийские немцы, немецкие дворяне, поступившие на русскую службу, представители горских народов, поддержавшие действия России на Кавказе, – таков был многонациональный состав русской армии, участвовавшей в боевых действиях. Мирное население Северного Кавказа пользовалось уже в это время теми же гражданскими правами, что и коренное население империи [20, с. 168].

Николай I изменил механизм управления Российской империей. Он создал шесть отделений императорской канцелярии. Вопросами контроля и надзора общественной жизни занималось III Отделение во главе с графом А. Х. Бенкендорфом, который с 1826 и до своей кончины в 1844 г. принимал самое активное участие в непростом диалоге власти с обществом и творческими людьми. Создание такой административной структуры, как III Отделение, было в значительной степени не субъективным желанием русского царя, вступившего на престол в сложных обстоятельствах, контролировать общественное мнение, а потребностью новой исторической эпохи.

Следует заметить, что и руководитель Южного общества декабрист П. И. Пестель в своих политических проектах собирался ввести в стране диктатуру на 10–15 лет, которая опира-

ется на свою тайную полицию под названием «Высшее благочиние». Пестель был убежден, что деятельность тайной полиции – явление не только возможное, но и соответствующее законодательству нового общества. Это является единственным средством опоры грядущего правопорядка [10, с. 267–268]. Исполнителями «Высшего благочиния» должны быть секретные агенты, которые собирают информацию относительно «правительства, народа и иностранцев». В варианте проекта Пестеля 1823 г. «Для составления внутренней стражи» необходимо 112 900 жандармов.

Инструкция по наблюдению за населением в начале царствования Николая I была конфиденциальной, но впоследствии стала известной. Ф. В. Булгарин писал, что этот документ был широко известен и служил лишним доказательством любви Николая I к порядку и процветанию России. Простые люди, небогатое дворянство (каковых было большинство), купцы и законопослушные чиновники положительно воспринимали пристальное внимание царя над исполнением обязанностей [9, с. 269]. В конце 1830-х гг. скрытный и в чем-то даже секретный характер работы императорской канцелярии повлиял на настроение в российском обществе, где стали появляться объединения и кружки представителей общественной мысли [4].

Вместе с тем и император, и шеф III Отделения были консерваторами по своим взглядам и совершенно не стремились развивать в стране традиции западной демократии. По словам жандарма А. М. Ломачевского, опубликовавшего свои «Записки жандарма» три десятилетия спустя, в России создавалась «искусственная гласность при полном отсутствии гласности естественной». «Искусственная гласность» – стратегическое направление внутренней политики Николая I, предусматривавшей не глубокие внутренние реформы, а сохранение существующего государственного строя [10, с. 270].

По справедливому замечанию современного историка Я. А. Гордина, оценивающего деятельность шефа III Отделения как продолжателя дела Петра I, Бенкендорф пошел по пути усложнения органов контроля: «фискалы, оберфискалы, гвардейские сержанты в роли личных эмиссаров, контролирующие фискалов» – и поддержал Николая в инициативе создания новых бюрократических структур, которые подавляли своей тяжеловесностью любую оппозицию [3, с. 231]. А. Х. Бенкендорф очень хорошо понимал, какое влияние оказывала на сознание образованных людей России литература посредством издаваемых журналов, поэтому контроль за их содержанием и «сердечное вразумление редакторов» стали содержанием политики царя и шефа III Отделения. «Северная пчела» Ф. В. Булгарина как раз являлась тем самым журналом, который активно сотрудничал с властью и хорошо понимал, что хотят услышать представители власти от прессы по какому-либо вопросу. О своем желании сотрудничать с властью заявлял и А. С. Пушкин в письме к А. Х. Бенкендорфу: «С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала. <...> Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению» [14, с. 256]. Подобные предложения в начале 1830-х гг. поступали и от В. А. Жуковского и П. А. Вяземского. А. С. Пушкина сложно назвать проводником и активным сторонником внутривластного курса Николая I и других власти предрекающих в России того времени, но он все-таки смог встать во главе журнала «Современник» в 1836 г. А в 1840-е гг. при посредничестве двух офицеров III Отделения А. А. Краевский издает «Отечественные записки», по сути наиболее демократический журнал в Российской империи. В 1839–1843 гг. В. А. Владиславов, адъютант начальника штаба корпуса жандармов, издает альманах «Утренняя заря», который В. Г. Белинский оценил как перспективное издание, у которого нет конкурентов [10, с. 312]. В издании альманаха участвовали П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, В. Ф. Одоевский, В. И. Даль и другие яркие представители русской литературы того периода.

Сложность внутривластной ситуации в России в 1830-е гг. и непохожесть на предыдущие периоды истории характеризовалась потребностью в философском осмыслении исторического пути России и ее будущего развития. В этот период появляется знаменитая работа П. Чаадаева «Философические письма», в которой он с радикальных позиций критикует историческое прошлое России и отказывает стране в какой-либо перспективе развития. Но уже с середины 1830-х гг. Чаадаев считает, что государственным строем России может быть только монархия [21].

С вопросом создания национально-государственной идеологии тесно связан поиск новых художественных стилей и направлений в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве в 1830–1840-е гг. Кризис прежнего стиля архитектуры – классицизма – был давно назрев-

шим явлением в русской и мировой архитектуре. Принятый ранее проект шведского архитектора Витберга в стиле классицизм для храма Христа Спасителя в Москве меняется на проект К. Тона в русско-византийском стиле [16]. Именно в этом стиле любимый архитектор Николая I Константин Тон строит другие свои крупнейшие сооружения – Большой Кремлевский дворец, Оружейную палату в Кремле и ряд сооружений в других городах Российской империи.

Заметную роль в создании национально-государственной идеологии во времена правления Николая I сыграл граф С. С. Уваров, ставший с 1817 г. во главе императорской Академии наук, а с 1833 – во главе Министерства народного просвещения. В сложной атмосфере первых лет царствования Николая I Уваров, несмотря на свой консерватизм, становится инициатором замены «Чугунного устава» о цензуре (1826) на новый, более либеральный, принятый в 1828 г. и действовавший до 12 мая 1862 г. Однако так же, как и царь, недоверчиво относился к славянофилам, критиковавшим преобразования Петра I, считая, что восхваления допетровской Руси сравнительно с последующим историческим периодом стали интерпретироваться за подозрительные намерения изменить существующий порядок вещей [23, с. 198]. Лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» как политический противовес лозунгу Великой французской революции «Свобода, равенство, братство или смерть» был выдвинут московским историком Н. П. Погодиным и активно использовался графом С. С. Уваровым, что свидетельствует о поддержке политики царя частью русской интеллигенции того времени [24, с. 243–245]. Можно сказать, что Православие, Самодержавие, Народность являлись духовно-нравственной основой для выработки национально-государственной идеологии, своего рода почвой, на которой должно вырасти дерево внутривластного курса Российской империи [11]. Современный исследователь С. В. Удалов справедливо замечает, что в 1840-е гг. в лагерь сторонников официальной политики постепенно переходит В. Г. Белинский, В. Ф. Одоевский, Н. И. Надеждин и ряд других прежде настроенных критически журналистов. Концепция «Православие. Самодержавие. Народность» должна была сдерживать рост национального самосознания и националистических настроений на окраинах Российской империи (Кирилло-Мефодиевское братство на Украине, протурецкие настроения части горцев Северного Кавказа) [19, с. 17]. Политика, основанная на концепции «Православие. Самодержавие. Народность», далеко не всегда могла проводиться на окраинах огромного государства. Появление в 1846–1847 гг. Кирилло-Мефодиевского братства свидетельствовало о росте национального самосознания образованных людей на Украине, но власти не были готовы проводить диалог с представителями местной интеллигенции, и эта организация была запрещена [15]. Главной созидательной и цементирующей силой русского государства и российского общества становилось правительство и бюрократический аппарат управления страной. В этих условиях подвергались суровой критике исторические произведения, в которых русский народ рассматривался как основная движущая сила созидания и существования русского государства. Так, было подвергнуто критике исследование Н. Полевого «История русского народа», где автор занимал позицию, противоположную Н. М. Карамзину. Русский поэт и дипломат Ф. Тютчев рассматривал всю политику Николая I как основанную на праве и исторической законности, что отличало царя от предшествующих монархов. Тютчев считал, что, реформируя российское законодательство, Николай I предотвращает распространение революционных настроений и революционной идеологии внутри страны [18].

В завершении можно сделать следующий вывод. Взойдя на престол в обстановке государственного переворота, Николай I начал уделять вопросам внутренней политики и созданию национально-государственной идеологии пристальное внимание. Император стремился всеми средствами сохранить существовавший институт самодержавной власти и феодально-бюрократическую систему управления страной. В усилении бюрократических механизмов и соответствующих им методов управления царь и его окружение видели себя продолжателями дела Петра Великого. Правда, Николай I все же не отличалось настойчивое желание к постоянному и каждодневному реформаторству, как его великого предшественника. Общая хозяйственная отсталость Российской империи, убыточность системы крепостного права, тотальный контроль за общественной жизнью, образованием, культурными процессами не позволили создать такую модель национально-государственной идеологии, которая работала бы на перспективу и формировала новые творческие подходы к решению внутренних проблем Российской империи. К сожалению, формы и методы проведения внутренней политики и настойчивое желание сохранить старую – традиционную для страны социально-экономическую систему – не выдержали испытания Крымской войной.

Список литературы

1. А. де Кюстин Россия в 1839 году : в 2-х т. Т. 1. М. : Изд-во Сабашникова, 1996. 528 с.
2. Вискочков Л. Николай I. М. : Молодая гвардия, 2003. 693 с.
3. Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. Лениздат, 1989. 400 с.
4. Золотусский И. П. Гоголь. М. : Молодая гвардия, 1998. 485 с.
5. Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. М. : Русский Миръ, 2002. 752 с.
6. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М. : Наука, 1991. 127 с.
7. Киянская О. И. Декабристы. М. : Молодая гвардия, 2015. 383 с.
8. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций : в 3-х кн. Кн. 3. М. : Мысль, 1995. 558 с.
9. Минаева Н. В. Потаенные конституции России. М. : Посев, 2010. 240 с.
10. Олейников Д. Бенкендорф. М. : Молодая гвардия, 2009. 393 с.
11. Павленко Н. И. Михаил Погодин. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 359 с.
12. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М. : Высшая школа, 1993. 736 с.
13. Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. Ленинград : Брокгауз-Ефрон, 1925. 99 с.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 14. Наука: АН СССР, 1941. 548 с.
15. Симонова И. А. К вопросу о взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф. В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 42–54.
16. Славина Т. А. Константин Тон. Л. : Стройиздат, 1989. 224 с.
17. Тьrkова-Вильямс А. В. Жизнь Пушкина : в 2-х т. Т. 2: 1824–1837. М. : Молодая гвардия, 2007. 514 с.
18. Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М. : Культурная революция; Республика, 2007. 574 с.
19. Удалов С. В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: пропаганда и реализация : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 34 с.
20. Филлин М. Д. Люди Императорской России. М : НПК «Интелвак», 2000. 496 с.
21. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М. : Современник, 1989. 623 с.
22. Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. М. : Художественная литература, 1993. 384 с.
23. Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М. : Три квадрата, 2003. 256 с.
24. Шпем Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 602 с.

The internal policy of Emperor Nicholas I and the creation of a national-state ideology in the 1820s–1840s.

I. A. Nekrasov

PhD in Philosophical Sciences, associate professor, Moscow State University of Food Production.
Russia, Moscow. E-mail: igoristorik@yandex.ru

Abstract. The article examines the process of creating a national-state ideology in the Russian Empire during the reign of Nicholas I. Exactly in this period Russian authorities realized with all seriousness the need to conduct domestic policy on the basis of a stable and stable ideology of the Russian state during this period of Russian history. The predecessors of Nicholas I tried either to erase all past domestic political experience, like Paul I, or were influenced by republican ideas, like Alexander I. In the 1820s. The Russian Empire approached new frontiers in its development, which set the task of resolving a number of internal issues for the Russian tsar and his entourage by creating its own concept of national-state ideology. Under Nicholas I, such important attributes of the state as the anthem "God save the Tsar" appeared, the neo-Russian style in architecture developed, the tsar and his entourage realized for the first time the multinational nature of Russian society. Nicholas I makes an attempt to combine the imperial ideas of the autocracy of the XVIII century with the new realities of the mid – XIX century. At the same time, during the reign of Nicholas I, there was a strengthening of administrative centers of power and strengthening of bureaucratic structures within the state, which, in turn, distanced the monarch from the broad strata of Russian society. During this period, the Russian Empire was able to overcome such a difficult test as the war with the Caucasian highlanders, the main period of which falls during the reign of Nicholas I. The difficulty of creating a national-state ideology was also explained by the fact that Nicholas I, unlike his predecessors, did not consider the Russian nobility as the main pillar of the throne, especially after the events of 1825.

Keywords: Nicholas I, nobility, Benkendorf, multinational state, Russian national anthem, monarchy, decree, autocracy

References

1. A. de Custine *Rossiya v 1839 godu : v 2-h t. T. 1* [Russia in 1839: in 2 vols. Vol. 1]. M. Sabashnikov Publishing House. 1996. 528 p.
2. Vyskochkov L. *Nikolaj I* [Nikolay I]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2003. 693 p.
3. Gordin Ya. A. *Myatezh reformatorov* [Revolt of reformers]. Lenizdat. 1989. 400 p.
4. Zolotusskij I. P. *Gogol'* [Gogol]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 1998. 485 p.
5. *Imperator Nikolaj Pervyj. Nikolaevskaya epoha. Slovo Russkogo Carya* – Emperor Nicholas the First. The Nicholas era. Russian Tsar's Word. M. Russkiy Mir (Russian world). 2002. 752 p.
6. Karamzin N. M. *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenii* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. M. Nauka (Science). 1991. 127 p.
7. Kiyanskaya O. I. *Dekabristy* [Decembrists]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2015. 383 p.
8. Klyuchevskij V. O. *Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij : v 3-h kn. Kn. 3* [Russian history. Full course of lectures : in 3 books. Book 3]. M. Mysl (Thought). 1995. 558 p.
9. Minaeva N. V. *Potaennye konstitucii Rossii* [The hidden constitutions of Russia]. M. Sowing. 2010. 240 p.
10. Olejnikov D. *Benkendorf* [Benkendorf]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2009. 393 p.
11. Pavlenko N. I. *Mihail Pogodin* [Mikhail Pogodin]. M. Monuments of historical thought. 2003. 359 p.
12. Platonov S. F. *Lekcii po russkoj istorii* [Lectures on Russian history]. M. Vyshsya shkola (Higher School). 1993. 736 p.
13. Presnyakov A. E. *Apogej samoderzhaviya. Nikolaj I* [The apogee of autocracy. Nicholas I] / A. E. Presnyakov. L. Brockhaus-Efron. 1925. 99 p.
14. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij : v 20 t. T. 14* [Complete works : in 20 vols. Vol. 14]. Nauka (Science): Academy of Sciences of the USSR. 1941. 548 p.
15. Simonova I. A. *K voprosu o vzaimosvyazi slavyanofil'stva s ideologiej Kirillo-Mefodievskogo obshchestva. F. V. Chizhov i kirillo-mefodievcy* [On the question of the relationship of Slavophilism with the ideology of the Cyril-Methodius Society. F. V. Chizhov and Cyril-Methodians] // *Sovetskoe slavyanovedenie* – Soviet Slavic Studies. 1988. No. 1. Pp. 42–54.
16. Slavina T. A. *Konstantin Ton* [Konstantin Ton]. L. Stroyizdat. 1989. 224 p.
17. Tyrkova-Williams A. V. *Zhizn' Pushkina : v 2-h t. T. 2: 1824–1837* [Pushkin's life: in 2 vols. Vol. 2: 1824–1837]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2007. 514 p.
18. Tyutchev F. I. *Rossiya i Zapad* [Russia and the West]. M. Cultural Revolution; Republic. 2007. 574 p.
19. Udalov S. V. *Gosudarstvennaya ideologiya v Rossii vtoroj chetverti XIX veka: propaganda i realizaciya : dis. ... kand. ist. nauk* [State ideology in Russia of the second quarter of the XIX century: propaganda and implementation : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Saratov. 2005. 34 p.
20. Filin M. D. *Lyudi Imperatorskoj Rossii* [People of Imperial Russia]. M. NPK "Intelvak". 2000. 496 p.
21. Chaadaev P. Ya. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. M. Sovremennik (Contemporary). 1989. 623 p.
22. Chulkov G. I. *Imperatory. Psihologicheskie portrety* [Emperors. Psychological portraits]. M. Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1993. 384 p.
23. Shevchenko M. M. *Konec odnogo Velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel'nyh reform* [The End of one Greatness: Power, education and the printed word in Imperial Russia on the threshold of Liberation reforms]. M. Tri kvadrata (Three Squares). 2003. 256 p.
24. Shpet G. G. *Sochineniya* [Essays]. M. Pravda (Truth). 1989. 602 p.